

САНИХА
АМИН ЗАКИ

Воспоминания женщины-врача из Ирака

(фрагменты)¹

ВВЕДЕНИЕ

Эти мемуары – очень личное описание того, что я видела и испытала на протяжении своей жизни и гражданской службы в Ираке. История моя складывалась так, что в нее сложно поверить человеку, не видевшему всего этого своими глазами. Я решила поделиться ею, поскольку в тринадцать лет еще была школьницей в хиджабе, а в шестнадцать уже училась в медицинском институте в Багдаде в смешанных классах, бок о бок с другими студентами и студентками.

РОДИТЕЛИ И ВОСПИТАНИЕ

Я родилась в Багдаде в 1920 году в видной иракской семье смешанного происхождения – курдского, арабского и туркоманского². Мой дед по отцовской линии Али Мухаммад-ага принад-

Саниха Амин Заки (1920–2017) – одна из первых женщин-врачей в Ираке. Окончила медицинский институт в Багдаде в 1943 году, после чего работала медиком и преподавала.

- 1 Перевод выполнен по изданию: ЗАКИ С.А. *Dhikriyāt tabība'irāqīyya*. London, 2005. P. 5–11, 90–102, 122–123, 269–273, 291–293. Редакция благодарит наследников Санихи Амин Заки за любезное разрешение опубликовать русский перевод фрагментов ее воспоминаний.
- 2 Туркоманами или туркменами называют тюркоязычное население Ирака. В описываемый период это было меньшинство, которое проживало в основном на севере страны.

АРХИВ «НЗ»

лежал к курдскому племени дизаи из санджака Эрбиль³. Он жил в Багдаде и служил офицером в османской армии. Жилище его находилось на улице аль-Фадль; там же обитали его друзья-офицеры, сыновья хаджи⁴ Хабиба аль-Ази – чистокровные арабы из племени бани из. Мой дед женился на дочери этого человека, которая носила персидско-арабское имя, означающее «радость мира». Так же звали и одну из дочерей султана в Стамбуле. Их свадьба состоялась в 1884 году. В то время различия между национальностями не играли особой роли – главным было то, чтобы жених и невеста были мусульманами и османскими подданными. А если человек служил офицером в султанской армии, то это означало, что он защищает исламскую общину от неверных – и такому жениху были особенно рады.

У Али-ага и его жены было четверо сыновей и одна дочь, а мой отец был старшим из детей. Поскольку глава семейства, как и его братья, состоял на военной службе, трое его старших сыновей тоже выбрали военную стезю. В частности, мой отец Мухаммад Амин, первенец, окончил военную школу в Багдаде и отправился в Стамбул, чтобы завершить обучение. Спустя три года он офицером вернулся в Багдад и вскоре намеревался поехать в Берлин совершенствовать свои знания: ведь он стал лучшим курсантом в своем выпуске. Друзья в училище даже прозвали его «Амин-баш», потому что «баш» [по-турецки] значит «первый». Однако молодой офицер внезапно лишился матери из-за холеры, свирепствовавшей в Багдаде. А спустя месяц от той же болезни скончался и его отец, и он, старший брат, остался единственной опорой для своих младших братьев и сестер. Ему пришлось отказаться от поездки в Берлин. Это очень опечалило его, и он жалел об этом до конца своих дней.

В 1907 году в Багдаде этот молодой офицер женился на Халиме Хан, дочери своей тети по материнской линии. В 1908-м у них родилась дочь Фатима Батуль, а в 1913-м – сын Ахмад Мухтар. Но в 1918 году, когда заключили перемирие, завершившее Первую мировую войну, первая жена [моего отца] скончалась в Киркуке от тифа. Вскоре после этой утраты мой будущий родитель посватался к Фаузии Хан, которой тогда было семнадцать лет. От своей первой жены, которая была соседкой семьи моей будущей матери, отец слышал, что девушки в этом доме – две совершенно одинаковые близняшки – образованны, говорят по-турецки и по-арабски, светловолосы и хороши собой.

Моя мать Фаузия вместе со своей сестрой Рамзией училась в школе в санджаке Мосул; с ними училась еще одна сестра, ко-

3 Титул «ага» указывает на то, что человек был военным по профессии. В тот период, который описывается в этой части мемуаров, Османская империя состояла из вилайетов (провинций), которые в свою очередь делились на санджаки.

4 Хаджи – почетный титул человека, совершившего паломничество в Мекку.

торая была чуть старше. Это было во время войны. Что касается моих более старших теток по материнской линии, то они не ходили в школу, поскольку в их времена еще не существовало школ для девочек. Моя мать и ее сестры разговаривали с членами своей семьи по-турецки, а между собой – по-арабски. Они получали образование в южных городах империи, где их отец служил прокурором⁵. Он работал в Багдаде, Аммане и Кербеле, а скончался в Киркуке в 1914 году.

По линии обоих родителей моя мать принадлежала к туркоманам Киркука, и потому дома у них говорили на турецком. Большинство родственников моего отца были гражданскими чиновниками, а некоторым из них принадлежали земельные наделы [в санджаке Киркук]. С нами родители всегда разговаривали по-арабски, а между собой общались только по-турецки. Мы в свою очередь знали турецкий лишь чуть-чуть, знакомясь с этим языком благодаря нашим родственникам из Киркука. В школах же нам давали иракское арабское образование. Мы росли с любовью к курдам и туркоманам благодаря своему родству, но любили их издали, так как жили и выросли в Багдаде и только в нем.

Сначала мой отец был офицером в османской армии, а затем служил в иракской армии⁶. В начале монархического периода его перевели в министерство просвещения, а позже избрали депутатом иракского парламента от провинции Багдад. В 1935 году он вышел на пенсию. Никто в нашей семье не занимался торговлей или промышленностью. В семнадцать лет моя мать считалась образованной дамой, ведь она умела *читать и писать*, а в то время это оставалось большой редкостью среди женщин. Я родилась в 1920 году и была их первым ребенком. Меня называли Саниха Балкис.

На протяжении долгих мрачных веков Багдад оставался большой и сонной деревней – в особенности в том, что касалось положения женщины, которая смотрела на мужа так, как раб смотрит на господина или мамлюк на хозяина. Мужчина

- 5 В южных, центральных и северо-западных районах Ирака большинство населения говорит на арабском, в то время как на севере, и особенно северо-востоке, проживают множество курдов, туркоманов и иных меньшинств.
- 6 Элиты иракского государства, появившегося в начале 1920-х, в значительной мере комплектовались из бывших арабских офицеров османской армии. Накануне Первой мировой некоторые из них уже состояли в тайных националистических обществах, которые, впрочем, тогда стремились не к независимости, а лишь к политико-правовому равенству арабов и турок. Позже многие арабские офицеры присоединились к Арабскому восстанию 1916 года. Его военный лидер, эмир Фейсал (1883–1933), после победы Антанты попытался создать арабское королевство в Сирии, но Франция в 1920 году силой пресекла эту попытку. Вскоре, однако, британцы предложили Фейсалу только что учрежденный иракский престол. О попытке Фейсала создать независимое королевство в Сирии см.: THOMPSON E. F. *How the West Stole Democracy from the Arabs: The Syrian Congress of 1920 and the Destruction of its Historic Liberal-Islamic Alliance*. New York: Atlantic Monthly Press, 2020; GELVIN J. L. *Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire*. Berkeley: University of California Press, 1999.

облек женщину в строгий хиджаб, и жена оставалась узницей в собственном доме, ублажая мужчину и служа ему – чаще всего абсолютно невежественному и далекому даже от самого низшего уровня современной цивилизации, которая с эпохи Возрождения на протяжении пяти веков восходила на Западе.

Спустя год после моего рождения, в 1921 году, Фейсал I стал королем Ирака. Для страны это было подлинное благословение – в особенности для женщин, для которых началась невиданная эпоха, отмеченная массовым распространением образования среди девочек⁷. Всего за несколько лет иракская женщина превратилась из дармоедки, неспособной жить самостоятельно и лишь обслуживающей мужа и детей, в образованную даму, способную самостоятельно добывать пропитание, как это делают мужчины.

САНИХА АМИН ЗАКИ
ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА
ИЗ ИРАКА

Всего за несколько лет иракская женщина превратилась из дармоедки, неспособной жить самостоятельно и лишь обслуживающей мужа и детей, в образованную даму, способную самостоятельно добывать пропитание, как это делают мужчины.

Я видела, как развивалась страна в эпоху монархии. Этот прогресс затрагивал все сферы жизни иракского королевства, включая образование для обоих полов, совершенствование преподавания в школах, повышение качества здравоохранения, строительство дорог и мостов, организацию полиции, создание современной армии. Но ярчайшим примером этой всеобщей революции, которая охватила всю страну с севера до юга и пробудила ее от многовекового сна отсталости и упадка, стало именно то, как радикально в Ираке изменилось положение женщин. [...]

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕЙСАЛА I И ДОРОГА К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Для поколения моего отца мое начальное образование и мои успехи в школе были необычным делом. Однако отец придавал большое значение обучению своих дочерей и культиви-

7 Доступ к образованию получили в первую очередь девочки из богатых и влиятельных семей. Но, хотя большинство населения оставалось неграмотным, люди с современным образованием постепенно становились все более заметной общественной и политической силой. Подробнее см.: ERPEL M. *The Elite, the Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921–1958* // *Middle East Studies*. 1998. № 30. P. 227–250.

рованию такого же отношения к ним, как и к сыновьям, поскольку верил в равные способности женщин и мужчин. Моя мать, проницательная читательница, поддерживала его в этом. Она осваивала много иностранной литературы, которая захватывала и увлекала ее; мать испытывала отвращение к нашей отсталости и закостенелости.

С детства я чувствовала, что женщины в нашем обществе притесняются; мне очень хотелось, чтобы девочкам была доступна такая же свобода, как и мальчикам – например, в спорте, позволяя заниматься скаутингом, плаванием и другими развлечениями, которые нам строжайше запрещали. Я уважала мужчин и потому не упрекала их, однако мне хотелось быть равной с ними и пользоваться той же свободой, какой обладают они.

Все эти новые воззрения берут начало в эпохе короля Фейсала I [который правил страной с 1921-го по 1933 год]; они коренились в присущей ему заботе об образовании для девочек, которых в его времена побуждали серьезно относиться к учебе. Я пошла в школу в царствование этого монарха, когда мне было четыре года. Тогда школ было мало, и они были сосредоточены в основном в Багдаде и Мосуле. Позже в Центральной школе открылся первый в стране колледж для учительниц начальных классов. Уже через десять лет в Багдаде и крупных городах было множество начальных школ для девочек; кроме того, продолжал работать и упомянутый педагогический институт. Он готовил иракских учительниц, потребность в которых была высокой. [...] В 1920-е его выпускницы заметно выделялись благодаря элегантной одежде, современным прическам, а также культурной речи. Чтение газет и журналов приучало их интересоваться тем, что происходит в стране и мире. Молодые замужние женщины стали завидовать учительницам, искали знакомства и дружбы с ними, подражали им в изысканных нарядах и учтивых манерах.

В 1930 году в Центральной школе для девочек открылся первый класс старшей школы. Выпускницы имели возможность поступать в высшие учебные заведения и учиться там наравне с мужчинами. В 1933 году девушка впервые поступила в медицинский институт, где издавна учились только юноши. Ею была Малек Ганнам – дочь известного журналиста Разука Ганнама⁸. То был первый случай в Междуречье, когда девушка принялась изучать естественные науки в традиционно мужском учебном заведении!

Окончив школу в 1936 году, в дни короля Гази⁹, я тоже поступила в медицинский институт. Вместе со мной были зачислены

⁸ Разук Ганнам (1882–1965) – иракский журналист; с 1920 года издавал газету «Ирак», которая выходила больше двадцати лет.

⁹ Гази I, сын Фейсала I, занимал иракский престол с 1933-го по 1939 год.

другие шесть девушек, а до нас там на разных курсах учились еще шесть студенток. Кстати, в том же году девушка впервые поступила на юридический факультет: это была Сабиха Шейх Давуд, которая еще будет упомянута ниже. Моя сестра Лямъан тоже поступила в медицинский институт; к ее времени количество студенток там достигло двадцати. Кроме того, многочисленные студентки изучали право, фармацевтику, педагогику и инженерное дело в других учебных заведениях.

Я завершила обучение в 1943 году, торжественно получив диплом из рук эмира Абд аль-Иляха – регента при малолетнем монархе Фейсале II¹⁰. [...] В 1950-м я начала преподавать в медицинском институте, на факультете врачебного и медикаментозного лечения. Я была не единственной сотрудницей: женщины-врачи работали и в других институтских подразделениях; среди них была, например, моя сестра Лямъан, трудившаяся врачом в институтской педиатрической клинике.

К 1958 году иракские женщины работали педагогами, докторами, фармацевтами, адвокатами, журналистами, инженерами, писали стихи. Должность пресс-атташе посольства Ирака в США тоже занимала женщина. К июльским событиям [о которых речь ниже] сбылось все, чего некогда страстно желал мой отец. Все его четыре дочери, а также две внучки получили высшее образование. Он мечтал об этом на протяжении всей жизни, и мечта сбылась, когда ему исполнилось 75 лет.

Вот такой путь к современности прошел Ирак.

СТРАНА ОСТАНОВИЛАСЬ И СБИЛАСЬ С ПУТИ

Внезапно одним летним утром, знойным, как Судный день, страна оказалась в руках группы офицеров¹¹, о которых люди раньше даже не слышали. [14 июля 1958 года] стало началом кровавой трагедии, которая превратила наш образованный по-современному народ в варваров. Новые властители разрушили старый строй, но у них не было ни четких политических целей, ни представления о том, куда двигаться дальше. Они убили деятелей, возглавлявших старый режим. Они проигнорировали белый флаг, поднятый королевской семьей, и не пощадили даже женщин, а тела высокопоставленных чиновников, изрубленные, как туши баранов, протащили по багдадским улицам.

10 Фейсал II находился у власти с 1939-го по 1958 год; был убит в ходе военного путча в июле 1958-го.

11 14 июля 1958 года в Ираке произошел военный переворот, покончивший с проританским монархическим режимом. Власть захватила группа, известная как «Свободные офицеры». Вскоре после переворота его руководитель, полковник Абд аль-Карим Касим, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. В 1963 году он был свергнут в ходе нового путча, подготовленного при активном содействии Партии арабского социалистического возрождения («Баас»). Подробнее см.: DAWISHA A. *Iraq: A Political History from Independence to Occupation*. Princeton: Princeton University Press, 2009.

До сих пор я вспоминаю тот день с болью и сожалением. Страна черного золота превратилась в страну, жителям которой едва хватало на еду и одежду. [...]

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Когда в начале учебного года мать вела меня, десятилетнюю девочку, в школу, я гордилась, что поступила туда [после начальной школы]. Я ждала этого момента с нетерпением: ведь речь шла о знаменитой Центральной школе! С нами была моя восьмилетняя сестра Лямъан, которая училась во втором классе, а также четырехлетняя Адила, которую вели записывать в детский сад. Мы вошли в школу, и моя мать увидела госпожу Иффат – молодую турчанку, которая вела здесь рисование и которую мать хорошо знала. Госпожа Иффат удивилась, узнав, что в свои годы я уже собираюсь в пятый класс. Она помогла матери быстро оформить нас. К моему изумлению, в школе оказалось целых три пятых класса. Меня определили в класс «Б». [...]

По утрам звенел звонок, и ученицы делились по парам. Классы с первого по шестой выстраивались у большого здания, а учащиеся «Дома учительниц» [так назывался педагогический колледж] стояли по сторонам. Директриса, американка миссис Кир, обращалась к нам по-английски. Мы не понимали, что она говорит, но молчали, поскольку помощница директора переводила ее слова на арабский. После директорской речи мы не пели гимн, как в начальной школе – вместо этого, одна из учительниц ставила пластинку с красивым западным маршем, и все расходились по своим классам. Мы с одноклассницами поднимались на второй этаж. Путь до класса был длинным, а в коридорах были расставлены дежурные-старшеклассницы, которые следили, чтобы мы не разговаривали, в противном случае дежурная записывала имя нарушительницы в блокнот. Так что все девочки шли к своим партам в полнейшем молчании.

Наша белокурая директриса была американкой шведского происхождения. Мы считали ее женщиной в возрасте, но она была очень активным человеком. Когда ей попадались бумажки, брошенные на пол, она наклонялась и подбирала их сама – вместо того, чтобы звать уборщицу. Нам, ученицам, было стыдно, и мы бросались помогать ей. Госпожа Кир покинула Ирак в 1931 году и вновь посетила страну через тридцать лет, то есть в 1960 году. Так что она все-таки была не такой старой, как мы думали!..

Больше четверти учениц в нашем классе составляли христианки и еврейки. Взаимопонимание и дружба давались нам легко и непринужденно, и единственным отличием было то,

что на улице мусульманки носили хиджаб, а христианки и еврейки покрывали головы только шляпками. Уже в десять лет, благодаря влиянию семьи моей тети по материнской линии и ее современных идей, я не хотела носить хиджаб.

В классе я познакомилась с одной ученицей, которая была старше меня всего на год; позже эта девочка стала моей единственной подружкой. Ее звали Балкис Омар Дарраз. Отец ее был высокопоставленным чиновником в управлении железных дорог. Насколько я помню, он был афганского происхождения, а ее мать была иракской туркоманкой. У Балкис был младший брат по имени Джавид. Когда он вырос, он стал пилотом «Иракских авиалиний». [...]

Учительницы из Сирии

Обычно мы называли своих учительниц именно так, хотя те в основном были ливанками-христианками из Бейрута. Я училась под их началом на протяжении семи лет, то есть до конца старшей школы, и не могу сказать о них ничего, кроме хорошего. Они очень положительно влияли на учениц в эти ключевые для их жизни годы. Наши учительницы были молоды, одевались в соответствии с современной модой, но скромно. Они не говорили о своей религиозной принадлежности ни в какой форме и никак не демонстрировали, что их страна продвинулась гораздо дальше Ирака. Они обучили нас всем современным наукам и английскому языку, а также познакомили нас с произведениями таких ливанских поэтов, как Джибран Халиль Джибран, Илья Абу Мади, Михаил Нуаймэ и других. Постепенно мы стали читать новую поэзию, которая была не похожа на написанное на старом арабском языке и далеко отходила от известных тем [классической арабской поэзии]. Учительницы [литературного] арабского знали его на высшем уровне – куда лучше, чем иракские учительницы, окончившие «Дом учительниц». Они познакомили нас и с красивыми западными песнями на арабском, которые мы пели под пианино на уроках музыки.

Даже когда они сердились на нерадивых учениц, их слова оставались деликатными и сдержанными: они старались наставить нас на путь усердия – вместо того, чтобы ругать или срамить. Более того, они влияли и на иракских учительниц, которые видели, что нет никакой нужды быть с детьми грубыми и резкими. Многие сирийские учительницы носили иностранные западные имена и арабские фамилии, но у некоторых были полностью арабские имена. Например, сейчас я помню такие имена, как Элис Кандальфат (эта дама была заместительницей директрисы, а потом сама сменила ее), Эмма Салиби, Мальвина Гарзузи,

Евгения Абу Шаид и Элеонор Камар. Что касается учительниц с арабскими именами, то их звали Афи́фа Хаддад, Вадад Хури и Лулу Даумат. Была у нас также учительница-мусульманка из Палестины по имени Сафия аль-Лабабиди, сестра учителя Яхьи аль-Лабабиди, который отличался своей преданностью королю [Ирака] и прославился как автор патриотических песен. Вот, например, слова из одной из них: «Приветствую тебя, король, наш покровитель, / арабов гордость, Междуречья государь, / Фейсал – ты символ [нового] Востока».

В те дни я узнала названия праздников, о которых не слыхала раньше; среди них были *Christmas* и *New Year*. Раньше мне доводилось сталкиваться только с арабским названием Рождества. Именно в школе я впервые обнаружила, что ученицы в эти дни посылают праздничные открытки учительницам и подругам. Я поступила так же, отправив три открытки трем учительницам. Во время этих праздников все христианки – директриса, учительницы, ученицы – исчезали на два дня на Рождество и потом еще на день на Новый год. Несмотря на это, учеба продолжалась, хотя в основном мы играли в спортивные игры или пели. Возвратившись в школу, педагоги благодарили весь класс за открытки, не упоминая, впрочем, имен тех, кто их послал.

Были у нас и местные учительницы из Ирака. Они работали с нами в пятом и шестом классах. Звали их госпожа Сабиха Шейх Давуд и Саадия аль-Хатиб. В шестом классе преподавали также госпожа Афи́фа Руаф (она вышла замуж за известного левого интеллектуала Абд аль-Фаттаха Ибрахима) и госпожа Вафика Абдалла аль-Мумейиз. Преподавательница религии тоже была из Ирака; она была человеком старой закалки, и мы называли ее Бакиза-ханум – на турецкий манер. Учительница рисования, госпожа Иффат, была турчанкой, а учительница шитья Хасиба ар-Равандузи, сестра высокопоставленного офицера по имени Амин-паша ар-Равандузи, разговаривала по-арабски с явным турецким акцентом.

Тут я хотела бы рассказать об одной из лучших учительниц, с кем мне пришлось встретиться в жизни: о культурной, образованной и любезной госпоже Сабихе Шейх Давуд. Она была стройной девушкой с красивым лицом, волнистыми волосами и приятным голосом. Она всегда улыбалась ученицам. Она гордилась тем, что ее отец, шейх Ахмад, и другие члены семьи с первых дней британского присутствия боролись за то, чтобы в стране открылись школы для девочек. Госпожа Сабиха встречала короля Фейсала, когда тот прибыл в Багдад: она подъехала к нему на верблюде и прочитала стихотворение аль-Хансы¹². Ей тогда было десять лет. [...] Я не слыхала этой

12 Аль-Ханса – арабская поэтесса, жившая в конце VI – первой половине VII веков.

истории от нее самой, но ученицы постоянно рассказывали об этом. Госпожа Сабиха была очень дружелюбна с нами, хоть и немного горделива. Мы ее исключительно любили и уважали! Госпожа Сабиха вела у нас историю и географию. Всякий раз, когда она входила в класс, среди нас будто бы проскальзывал электрический заряд: все внимательно слушали ее, всем хотелось правильно отвечать на ее вопросы, а в конце урока нам было грустно от того, что занятие так быстро закончилось. Госпожа Сабиха была полна патриотизма, любви к стране, королю и правящей династии. Она дружила с принцессами, дочерьями короля Фейсала, и ходила к ним в гости во дворец, где они играли в спортивные игры.

Однажды утром [в 1929 году], спустя два месяца после моего зачисления, госпожа Сабиха вошла в класс и сообщила нам, что премьер-министр страны покончил с собой. Тогда в домах не было радиоприемников и новости распространялись через газеты. Я встречала раньше слово «самоубийство», но никогда еще не слышала, чтобы кто-то на самом деле убивал себя. Имя Абд аль-Мухсина ас-Саадуна знал лишь редкий десятилетний ребенок¹³. Я слыхала, конечно, такие имена, как Джафар-паша¹⁴, Нури-паша¹⁵ и Ясин-паша¹⁶ – то были высокопоставленные сановники, приближенные к королю, но далекие от меня. (Тогда мне еще не было известно, что ас-Саадун, будучи главой королевского правительства, был единственным сановником, изо всех сил помогавшим британскому доктору [сэру Гарри] Синдерсону¹⁷, который настаивал на открытии в Багдаде медицинского института – вопреки протестам всех местных врачей. Речь о том самом институте, который впоследствии окончила и я.)

Новость о самоубийстве ас-Саадуна заставила меня почувствовать, что страна понесла утрату. Я погрузилась в глубокую печаль; смерти и похороны всегда производили на меня мрачное впечатление. Весть быстро распространилась среди девушек, и некоторые студентки «Дома учительниц» плакали. Кто-

13 Абд аль-Мухсин ас-Саадун (1879–1929) – иракский государственный и политический деятель, неоднократно занимал министерские посты и четыре раза был главой правительства. Поскольку политик ориентировался на Великобританию, его отношения с королем Фейсалом оставались довольно натянутыми. См.: ВАТАТУ Н. *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'thists, and Free Officers*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 190–191.

14 Джафар-паша аль-Аскари (1885–1936) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный деятель. Занимал посты министра иностранных дел и министра обороны, дважды возглавлял правительство Ирака. Убит в ходе военного переворота в 1936 году.

15 Нури-паша ас-Саид (1888–1958) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный деятель. Неоднократно был премьер-министром Ирака как до формальной независимости страны, полученной в 1932 году, так и после. Убит после военного переворота в 1958 году.

16 Ясин-паша аль-Хашими (1884–1937) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный и политический деятель. Дважды был премьер-министром Ирака. После путча Бакра Сидки, произошедшего в 1936 году, покинул Ирак. Умер в Бейруте через год.

17 Сэр Гарри Чапман Синдерсон (1891–1974) – личный врач иракской королевской семьи.

то из продавцов газет принес свежий номер прямо к нашим дверям; он вышел с черным обрамлением, на первой полосе были напечатаны фотография покойного и его наставления старшему сыну Али. Наставление было написано на турецком, но рядом давался перевод на арабский. Дома я еще раз перечитала новость. Я видела, что отец и мать пребывают в смятении и изумлении.

Самоубийство премьер-министра широко отозвалось в обществе. В своем наставлении покойный писал: «Нация ожидает [нашего] служения, но англичане препятствуют нам». Мои глаза тонули в слезах, когда я читала этот текст, а я сделала это много раз! Люди вокруг повторяли, что это колонизаторы – как обычно! – во всем виноваты. И мы оплакивали ушедшего политического деятеля и [участь] его детей. Однако один наш родственник, близко знавший ас-Саадуну, рассказал, что у него бывали периоды депрессии, что жена его отличалась непростым характером, что в ту ночь он проиграл крупную сумму в карты. Все это в совокупности, по его словам, и привело к ужасной трагедии. Об этой теме вспомнили вновь, когда вскоре после смерти отца с собой покончил и Али – сын ушедшего политика.

Через несколько лет после смерти ас-Саадуну и еще до кончины короля Фейсала I в Багдаде в один день открыли два памятника, изготовленных в Риме. Первый был посвящен королю Фейсалу: монарх был представлен в арабском наряде восседающим на жеребце. Лик его был обращен на запад – к Сирии. Скульптуру установили в районе аль-Карх. Второй памятник изображал Абд аль-Мухсина ас-Саадуну, причем его голову украшала пилотка¹⁸. Он стоял, будто бы выступая с речью. Памятник установили в районе ар-Русафа, на улице, переименованной в честь ас-Саадуну.

К НАМ ПРИЕЗЖАЕТ КОРОЛЬ

Где-то в середине года в наш класс стремительно вошла госпожа Сабиха Шейх Давуд. Она заявила, что в школу прибыл его величество король – и что он будет ходить по классам. Сообщив об этом, она столь же быстро вышла, торопясь предупредить другие классы. Должно быть, визит был спонтанным, потому что мы предварительно не украсили школу флагами, а уроки не прерывались. Поскольку мы сидели за партами, никто из девочек не видел, как прибыла королевская делегация. Сначала монарх и его свита вошли в центральный корпус и посетили

18 В межвоенный период пилотка – во многом с подачи короля Фейсала – стала одним из символов панарабского национализма.

тамошние классы, после чего направились в начальную школу и зашли в первые классы, а затем, поднявшись на второй этаж, заглянули в четвертые, пятые и шестые. Из каждого кабинета, в который заходил король, раздавались аплодисменты учениц. Наконец, делегация дошла и до нас. Мы усердно аплодировали, однако Фейсал провел в классе не больше минуты: он улыбнулся, поприветствовал нас рукой и вышел, не произнеся ни слова. То был второй раз, когда мне довелось лицезреть улыбку этого блистательного монарха. Я видела ликование учениц и учительниц и чувствовала их радость от того, что король интересуется образованием и школами.

В апреле 1930 года школа всерьез взялась за спорт. Спортивное движение возглавили учительница физкультуры и студентки «Дома учительниц». Ученицы состязались в баскетболе, перетягивании каната, беге на скорость, прыжках через препятствия и в высоту, а лучших отобрали на большое мероприятие, организованное школой. Что же касается начальной школы, то младшие лишь маршировали вокруг здания и занимались простыми упражнениями. Спортивная форма состояла из синей юбки и белой блузки, и у каждого класса была тканевая повязка определенного цвета. В процессе подготовки каждое наше утро начиналось с марша и упражнений.

На торжественном открытии большого [спортивного] праздника, организованного школой, присутствовали матери учениц. Мы начали с марша вокруг школы и духоподъемной песни с такими словами: «Сломите то, что сдерживает вас, / Разбейте все оковы и преграды, / Ведь время злополучное ушло, / Эпоха счастья ныне наступила». Затем началась разминка младших классов, а после мы смотрели, как студентки из «Дома учительниц» состязаются в различных видах спорта. Меня порадовал успех моей двоюродной сестры Амины ар-Раххаль, которая заняла первое место в прыжках в высоту. Она училась на втором курсе «Дома учительниц». Победительницы получили кубки и медали. Вся школа, включая педагогов и учениц, наполнилась энтузиазмом, гордостью и радостью. Спортивное мероприятие мне очень понравилось. Это была малая компенсация девочкам, которым [наконец-то] позволили устроить публичные соревнования, где они состязались на глазах у своих матерей и одноклассниц.

Когда я была в шестом классе, мама родила второго мальчика. [...] Она впервые отправилась рожать в Королевскую больницу. Прежде всех нас она рожала дома, с одной и той же повитухой. Обычай рожать в госпитале был чем-то новым. У нее родился мальчик, которого назвали Фаруком. Это был красивый ребенок, белокожий, со светлыми волосами и голубыми глазами. Все мы очень полюбили малышку.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

В первые годы в школе мы в основном учили наизусть песни и стихи на три темы: о родине, короле – и образовании для девочек. Нам было известно, что на страницах газет и журналов женщин защищают мужчины, а сами они не обладают писательскими способностями – ибо в большинстве своем неграмотны или полуграмотны. В первые годы монархии в газетах публиковались лишь немногие женщины, да и то крайне редко. Мужчины же, писавшие о правах женщин, подчас подвергались злобным нападкам. Тем не менее некоторые из них вступали на этот трудный путь, чтобы как можно скорее изменить устоявшийся порядок вещей.

Когда мы были детьми, [в Ираке] распространились школы для девочек, особенно в Багдаде и больших городах, однако хиджаб по-прежнему был обычным делом среди всех [мусульманских] женщин из богатых и средних слоев. Что же касается крестьянок, то их лица были всегда открыты. Согласившись с женским образованием, мужчины в основном были решительно против того, чтобы женщины раскрывали свои лица. Ведь никто и никогда не видел мусульманку без хиджаба в общественном месте. Все женщины с непокрытыми лицами, которых можно было увидеть в школах и за их пределами, были христианками или еврейками, а также, разумеется, европейками.

Согласившись с женским образованием, мужчины в основном были решительно против того, чтобы женщины раскрывали свои лица. Ведь никто и никогда не видел мусульманку без хиджаба в общественном месте.

Тем не менее некоторые наши литераторы с самого начала были за то, чтобы женщины приобщались к образованию и культуре и отвергали при этом хиджаб. Особенно выделялся поэт Джамиль Сидки аз-Захави. Он стал первым иракцем, который еще до Первой мировой войны поддержал освобождение женщин, опубликовав в египетской газете статью под заголовком «В защиту женщины». Текст, посвященный недостаткам хиджаба, заканчивался такими стихотворными строками: «Мусульмане отстали от прочих народов Земли / Из-за хиджаба, гнетущего женщин ислама». За подобные высказывания он имел немало неприятностей со стороны ревнителей веры и простых людей. Его прозвали «еретиком» и отстранили от работы в Школе права. [...]

В 1930-е мы читали и учили стихи египетских и сирийских поэтов, а также эмигрантскую поэзию. Во многих из них говорилось о равных правах и обязанностях женщин и мужчин. Положение женщины в наше время, а также открытие и покрытие лица и головы обсуждались и на школьных мероприятиях. Среди школьниц ходило стихотворение о снятии хиджаба, которое написал курсант Королевского военного училища по имени Мухаммад Басим аз-Зуайб. Оно называлось «Сними его» и содержало такие строки: «Сними его, разорви и брось / Прямо на камни гробниц, / Встань с непокрытым лицом и пой, / Прощание с хиджабом пришло». А еще у нас было популярно творчество [египетского поэта] Хафиза Ибрагима, который, хотя и не призывал к отказу от хиджаба, зато поощрял девушек ухаживать за ранеными в военных госпиталях. Среди тех, кто защищал хиджаб и высмеивал его противников, был народный поэт мулла Аббуд аль-Кархи¹⁹. Мы любили этого одаренного стихотворца за поэтический гений и каждую неделю читали его газетные публикации, восхищаясь его остроумием. Но, несмотря на то, что в популярности с ним сравниться не мог никто, мы считали Аббуда аль-Кархи простаком, далеким от образования и науки.

Человеком, который сделал для прав женщин в учебных заведениях больше всех, был генеральный директор просвещения, профессор Сати аль-Хусри²⁰. Ему удалось открыть несколько школ для девочек сначала в столице, а потом и в других городах. К его заслугам можно отнести и учреждение «Дома учительниц» в Багдаде. Именно аль-Хусри внедрил [в педагогической сфере] принцип равной заработной платы для обоих полов. Люди не сразу поняли важность этого шага, но эта мера, уравнивая жалование учительниц и учителей, позже затронула женщин-врачей, женщин-секретарей и всех прочих. Благодаря ей, в Ираке не было разницы в зарплатах женщин и мужчин, какая сохранялась тогда в европейских странах. То было одно из благих дел господина Сати аль-Хусри. [...]

СТАРШАЯ ШКОЛА

[...] Я очень радовалась, что окончила начальную школу и что продолжу учиться в большом центральном корпусе, где располагались классы «Дома учительниц». [...] Моих подруг поразило, как я выросла за время летних каникул, став почти

19 Аббуд аль-Кархи (1861–1946) – поэт из Багдада, писал на местном диалекте арабского.

20 Сати аль-Хусри (1882–1968) – педагог, просветитель, идеолог панарабского национализма. О его жизни и взглядах см.: CLEVELAND W.L. *The Making of an Arab Nationalist: Ottomanism and Arabism in the Life and Thought of Sati' Al-Husri*. Princeton: Princeton University Press, 1972.

такой же высокой, как они. Я решила, что теперь, сделавшись выше, смогу играть с ними в баскетбол на физкультуре. [Прежде] мне никогда не позволяли заниматься этим из-за того, что я была слишком мала.

Мне было почти двенадцать лет. Дома я перестала играть с красивыми куклами и бумажными самолетиками, которые мы запускали на террасе. Я также отказалась от игр в бандитов и полицейских... Теперь я считала себя слишком взрослой, чтобы возиться со своими маленькими братьями, а их рассказы уже не забавляли меня, как раньше. Я принялась коллекционировать почтовые марки; это увлечение поддерживалось тем, что названия большинства государств и их столиц мне уже были известны. Младших сестер и племянников я тоже заставляла учить названия стран и столиц. Мы стали часто ходить в кино с мамой, а с сестрой начали собирать цветные киноафиши, обмениваясь ими с другими девочками. Это было интересное развлечение, благодаря которому я узнала имена актеров и актрис.

На экране я видела людей, которые красиво наряжались, танцевали и пели на вечеринках. Все эти женщины, мужчины, дети, а также их жилища и сады были столь прекрасными, будто бы они существовали в каком-то другом мире! Я думала, что наша страна быстро изменится и еще при нынешнем поколении мы станем, как европейские страны.

В кинотеатре мне открывался новый и далекий мир, полный всего, чего душе угодно: там были изумительные дома, изысканные женщины и смелые мужчины, которые храбро отправлялись в далекие неизведанные земли – в Африку, на Борнео, на Северный или Южный полюс. На экране я видела людей, которые красиво наряжались, танцевали и пели на вечеринках. Все эти женщины, мужчины, дети, а также их жилища и сады были столь прекрасными, будто бы они существовали в каком-то другом мире! [...] Жизнь на экране подарила мне духовную родину. [...] Я думала, что наша страна быстро изменится и еще при нынешнем поколении мы станем, как европейские страны. Мне хотелось, чтобы каждая женщина стала красивой, как Грета Гарбо или Марлен Дитрих, а каждый мужчина – таким же мужественным, как Гэри Купер, чтобы девушки и парни были похожи на Дину Дурбин и Микки Руни, а дети – на Ширли Темпл!..

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РАБОТА В КОРОЛЕВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ²¹

САНИХА АМИН ЗАКИ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА
ИЗ ИРАКА

В год нашего выпуска [из медицинского института] среди нас оказались шесть женщин-врачей. По традиции, которая сохраняется до сих пор, женщины [обычно] работают в родильном отделении или в гинекологии. Но четыре выпускницы, среди которых была и я, захотели, чтобы нас распределили в соответствии с нашими желаниями, а не чьими-то еще. Ведь врачи-мужчины работают акушерами и гинекологами, если хотят! Почему же нас, как и мужчин, нельзя распределить согласно нашим собственным интересам?

[В итоге] три женщины-врача впервые в истории Королевской больницы были назначены в отделения, которые занимаются болезнями внутренних органов, а четвертая приступила к работе в отделении кожных и венерических заболеваний. Кажется, такое распределение обрадовало профессоров. Я попала в отделение, которым руководил профессор Стейси. Он назначил меня ответственной за новую женскую палату, которая должна была открыться в его отделении через несколько недель. Ранее в больнице имелась лишь одна палата для женщин, страдающих болезнями внутренних органов. Ответственность за открывающуюся палату предстояло разделить профессору Стейси, с которым работала я, и профессору Абд аль-Хади аль-Пачачи, с которым работала доктор Самха Сасун Шина. [...]

Три месяца ждала я открытия своей палаты. Все это время я занималась осмотром больных, а также помогала стажировавшимся у нас студентам выпускного курса. Я также курировала работу лаборатории профессора Стейси; нам хотелось получать результаты анализов в тот же день – вместо того, чтобы, отправив образцы в стороннюю большую лабораторию, ждать два-три дня. Студенты-выпускники под моим началом исследовали кровь, мочу и кал в нашей маленькой лаборатории, а результаты вносили в истории болезней. [...]

В один из дней директор госпиталя сообщил, что во вторую палату с больничного склада доставили койки, шкафчики и постельное белье; он предложил мне прийти посмотреть. Я вошла в помещение – и почувствовала такую гордость, как если бы мне довелось обставить мебелью новый дом. Просить больше было не о чем: со склада уже доставили абсолютно все необходимое, включая такие же занавески, как в других палатах, такие же тумбочки, такие же одеяла. Я радовалась открытию новой палаты, в которой мне самостоятельно предсто-

21 Нижеследующий отрывок посвящен гораздо более позднему периоду жизни мемуаристки.

яло ухаживать за половиной больных. В нашей половине, которая располагалась справа, стояли пятнадцать коек; еще пятнадцать коек, находившихся слева, были в ведении отделения профессора Абд аль-Хади. Мне было приятно, что вместе с этим специалистом работала Самха Шина – моя подруга и одноклассница. Мы с ней поделили ночные смены. Отдежурив месяц в больнице, я отправлялась домой, а вместо меня выходила Самха, дежурившая на протяжении следующего месяца. Так мы сменяли друг друга в течение года.

Мне нравилось простое старое здание Королевской больницы; я предпочитала его новым корпусам, которые позже возвели вокруг – вроде здания, в котором принимали частные врачи и располагались современные хирургические палаты. Старое здание было построено в саду на берегу реки Тигр. Его назвали аль-Маджидия в честь османского халифа XIX века Абд аль-Маджида. Первоначально оно не было больницей; эти помещения возвели, чтобы принять персидского шаха, который намеревался приехать в Ирак для посещения шиитских святынь в Наджафе, Кербеле и Казими. Так появились два дома, стоящие друг против друга. Когда иранский монарх прибыл, его самого вместе со свитой поселили в одном доме, а в доме, стоящем напротив, разместили слуг и солдат. Обе постройки были одноэтажными; между ними проходила широкая аллея. За годы моей работы она превратилась в настоящий зеленый сад, в котором росли цветы, а вокруг них пальмы, эвкалипты и апельсиновые деревья.

Со временем корпус у реки стали использовать в качестве дома престарелых, а в корпусе напротив расположились бесплатные палаты. Всего насчитывалось одиннадцать таких палат, каждая на тридцать коек – по пятнадцать с каждой стороны. Койки стояли на расстоянии метра одна от другой, и около каждой был индивидуальный шкафчик, в который больной мог положить, что пожелает. В каждой большой палате имелась маленькая комнатка, которую мы называли «наполовину бесплатной»: она предназначалась для двух больных, готовых платить за свое содержание небольшие суммы. Врачи и медсестры ухаживали за ними точно так же, как за остальными.

В современном здании, расположенном поодаль от нас, находились хирургические палаты. В этом двухэтажном корпусе имелось паровое отопление, обогревавшее палаты зимой: в старом здании, которое прогревалось нефтяными печами, ничего подобного не было. Среди хирургических палат выделялись палата костной хирургии и палата отоларингологии; все остальные были палатами общей хирургии для мужчин и женщин. В нашем старом здании размещалась большая операционная. Там каждый день с утра до вечера проходили операции;

для каждого хирургического отделения был установлен свой собственный день. Неотложные операции проводились круглосуточно. В операционной имелась невысокая галерея для студентов-хирургов; стоя там, они сверху наблюдали за ходом операций. Иногда хирург разговаривал с ними во время своей работы, объясняя, что именно он делает. [...]

Поездка в Каир и Арабский женский союз²²

[Как-то раз у меня дома] зазвонил телефон. На связи была госпожа Амант ас-Саид, декан Высшего королевского института. Она сообщила мне, что министерство социальной политики хочет, чтобы я отправилась в Египет для участия в съезде Арабского женского союза, который вскоре пройдет в Каире. Она добавила, что дело срочное и я должна дать ответ немедленно.

Каир!.. Мыслимо ли отказаться от поездки в Каир?

Я попросила госпожу Амант подождать минуту: мне нужно было посоветоваться с мужем. Я думала, что Ихсан не согласится, однако он сказал: «Принимай приглашение. Это редкая возможность, очень необычная поездка!.. Ты как раз в отпуске, мы только и делаем, что принимаем от разных людей поздравления со свадьбой! Скажи, что ты согласна». Я вернулась к телефону и сообщила госпоже Амант, что поеду, тепло поблагодарив ее.

В моем воображении Каир был смесью трех городов: Оксфорда, Москвы и Голливуда. Этот древний город – средоточие науки, искусства, политики. Он занимает особое место в арабских сердцах, с ним не может сравниться ни одна другая столица!.. В школе мы читали много египетской литературы, с детства учили стихи [Ахмада] Шауки и Хафеза [Ибрагима], следили за жизнью короля Фарука, его красавиц-сестер, включая Фаузию, которая стала женой шаха Ирана, а также его супруги, королевы Фариды. Нам знакомы были имена [египетских мыслителей] Тахи Хусейна, Аббаса Махмуда Аккада, Тауфика аль-Хакима, [лидера антиколониальной оппозиции] Саада Заглюля, [писавшего о правах женщин] Касема Амина. Мы с восхищением разглядывали фотографии мечети аль-Азхар, пирамид, Сфинкса, слушали песни Умм Кульсум и Абд аль-Ваххаба.

Госпожа Амант рассказала мне, что в состав делегации войдут шесть государственных служащих, представляющих различные женские объединения: [я –] доктор Саниха Амин Заки от министерства социальной политики (врач), госпожа Афифа

22 Описываемые ниже события происходят в 1944 году. В том же году Саниха Амин Заки вышла замуж за своего двоюродного брата Ихсана Рифъата – инженера-нефтяника, учившегося в престижном Американском университете в Бейруте, а затем в США.

Руаф от министерства образования (директриса школы), госпожа Маида аль-Хайдари от женского отделения Красного полумесяца (учительница), госпожа Сурая аль-Хауджа от Ассоциации защиты детей (директриса педагогического колледжа), госпожа Роуз Хадури от общества «Дома нации» (директриса школы), госпожа Нузхат Ганнам от объединения «Братство свободы» (преподавательница Высшего королевского института). Все делегатки были молоды: мне было 24 года, а остальным около тридцати. Четыре участницы были замужними дамами, Нузхат Ганнам вышла замуж лишь несколько лет спустя, а Сурая аль-Хауджа и вовсе не вышла замуж.

Инициатором встречи женских организаций выступила великая Худа Шаарави, которая не первый год возглавляла египетский Женский союз. В ходе поездки по Ливану, Сирии, Палестине и Иордании, осуществленной в годы [Второй мировой] войны, у нее родилась идея провести общеарабский женский конгресс – для координации усилий арабских женщин, которые стремились тогда добиться гражданских и политических прав. Кроме того, на этом форуме планировалось рассмотреть ситуацию в Палестине, которая в тот момент стремительно ухудшалась. Предполагалось, что оформленный таким образом фронт арабских женщин обеспечит им голос в социальных и законодательных вопросах, позволит гарантировать права матерей и детей, поможет масштабным социально-экономическим реформам послевоенного периода.

Во время путешествия по арабским странам Худа Шаарави обсуждала проведение женской конференции в Каире с тамошними активистками. Инициатива нашла отклик в рядах женских организаций; ее поддержали даже некоторые правительства. Госпожа Шаарави тогда не посетила Ирак, но зато она направила меморандум господину Тахсину аль-Аскари – дипломату, представлявшему интересы Ирака в Египте. В своем послании она выразила почтение ее высочеству королеве Алие, матери короля Фейсала II, присовокупив к этому адресованное ей личное приглашение почтить предстоящую конференцию своим присутствием. Впрочем, в силу некоторых личных причин королева Алиа не приняла его.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко